

К 100-летию Федора Абрамова

Олег ТРУШИН

«ПРАВДА, ПРАВДА И ЕЩЕ РАЗ ПРАВДА»

От опального писателя

до лауреата

Государственной премии СССР¹

«Я ведь написал честную книгу»

В начале июля 1966 года здоровье 46-летнего Федора Абрамова крепко пошатнулось — микроинфаркт. Сказалось многое: загнанность литературным трудом и общественной работой, абсолютное неумение отдыхать, бесчисленное количество бессонных ночей, раздумий над чистым листом бумаги, записными книжками и дневниками и, конечно же, все эти подлые дрязги вокруг его имени за последние несколько лет, доставившие массу страданий, эмоциональных растрат, перенапряжений духовных сил.

По сути, все эти двадцать лет, прошедшие после войны, были для Федора Абрамова не только временем напряженной творческой работы, но и годами, когда на фоне бурных, совсем непростых общественных процессов менялось и его отношение ко многим вещам, порой самым обыденным и невзрачным. А давалось ему это переосмысление очень и очень непросто. Сломать, переломить свое собственное внутреннее убеждение, взглянуть иначе на то, что прежде казалось идеалом и не подлежало оспариванию, ему, в прошлом пареньку из глухой северной деревушки, выросшему под образами, чудом уцелевшему в немыслимой бойне, вернувшемуся с войны коммунистом, искренне верившему всему, о чем говорили с «кумачовых» трибун, требовалось

Олег Дмитриевич Трушин родился в 1969 году в г. Шатура Московской области. Окончил Государственный социально-гуманитарный университет (исторический, психологический, юридический факультеты). Прозаик, член Союза писателей России и Союза писателей Союзного государства. Автор более 1500 работ (повести, рассказы, очерки, эссе, статьи) об истории, культурном наследии, природе России. Публиковался в журналах: «Живописная Россия», «Юность», «Отчий дом», «Юный натуралист», «Детская роман-газета», «Родовое имение». Многие годы постоянный автор национального журнала «Качели» Республики Беларусь. Автор 18 книг. Лауреат многих международных и российских литературных премий, в том числе премии Центрального Федерального округа РФ в области литературы и искусства, Литературной премии им. М. Пришвина, Литературной премии им. А. Н. Толстого. Живет и работает в г. Шатура Московской области.

¹ Глава из готовящейся к публикации книги «Федор Абрамов. Я жил на своей земле». В основу книги положен личный архив писателя, хранящийся в Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург.

немало внутренней глубинной силы, энергии мысли, работы души и сердца, чтобы, переосмыслив, иначе посмотреть на окружающее, перевоспитать, переделать самого себя и с этим выйти к людям в своих литературных творениях. И это тоже не могло пройти бесследно для его здоровья.

Все случилось в Архангельске. В те дни в городе работала конференция, посвященная памятникам культуры Русского Севера. Ее открытие вполне символично и вряд ли случайно состоялось в день великого христианского праздника Ивана Купалы 7 июля, что еще и совпадает с Рождеством Иоанна Крестителя.

Научные работники, профессура от искусства, филологии, известные деятели науки как отечественные, так и зарубежные... Была большая группа ученых из Эрмитажа и Пушкинского Дома, в числе которой был и Дмитрий Лихачев, выступивший на конференции с интересным докладом «Задачи изучения Соловецкого историко-культурного комплекса», ставшим зачином к дальнейшей огромной работе по созданию музея Соловецкого архипелага. В самом же Архангельске в дни работы конференции шла еще и нелегкая работа по созданию музейного комплекса «Малые Корелы», что ныне является одной из визитных карточек столицы Русского Севера.

Абрамов на конференции не держал докладов, но сумел поприсутствовать на многих заседаниях, послушать выступавших и даже побывать на ряде экскурсий, организованных для участников конференции: остров Мудьюнг в Белом море, где в годы Гражданской войны на севере интервентами был создан концентрационный лагерь, деревушка Заостровье с удивительными храмами деревянного зодчества и, конечно же, Соловки — жемчужина земли северной с непростой историей...

«Соловки меня потрясли всем — своим былым величием и тем варварством, которое прокатилось через них за советские годы», — напишет он в письме Людмиле 11 июля.

И тут стоит отметить, что Федор Александрович был одним из тех, кто открыто выступал за сохранение комплекса Соловецкого архипелага и реставрацию расположенных на нем архитектурных памятников, тем самым поддерживая призыв очень ценимого им писателя Юрия Казакова, высказанный в статье-очерке «Соловецкие мечтания», опубликованной в одном из осенних номеров «Литературной газеты» за 1966 год.

А искрой для появления такой абрамовской позиции станет письмо давнего близкого знакомого Федора Александровича — сотрудника Пушкинского института, основателя хранилища древней книги Пушкинского Дома, литературоведа Владимира Ивановича Малышева, которому спустя годы, после кончины последнего, Абрамов посвятит проникновенную по своему лирическому накалу статью «Когда умирает праведник».

26 сентября 1966 года Малышев пишет Абрамову: «Дорогой Федор Александрович! Ты, наверное, читал очень интересную статью Ю. Казакова „Соловецкие мечтания“, напечатанную в „Литгазете“? В ней изложено многое, о чем мы говорили, бродя по острову. Нам тоже казалось, что главное сейчас для них — это срочный ремонт и ремонт. Без этого они скоро совсем погибнут. К этому призывает и Казаков Ю. П. Я послал отклик в „Литгазету“. Послал также Д. С.Лихачев и А. А.Земин. Надо поддержать Казакова и главное дело, за которое он воюет. Напиши, пожалуйста, отклик и пошли. Вот сейчас прямо возьми бумагу и напиши. Я послал (и Лихачев) через А. П. Половникова, пошли тоже через него, но пошли. Всего хорошего».

Но вернемся в тот недобрый вечер 11 июля 1966 года. Первый сильный сердечный приступ заставил сильно поволноваться Абрамова. А затем второй, третий, четвертый...

«Врачи предполагали, что это стенокардия, — сообщил он Людмиле 24 июля, — потом... сомнений больше не было — микроинфаркт».

Шамиль Галимов, давний близкий друг писателя, на квартире которого Абрамов остановился, срочно вызвал неотложку, за которой последовала немедленная госпитализация.

«В общем, дела мои дрянь, — признавался он Людмиле все в том же письме от 24 июля. — Сегодня правда сердце не болит, но кто знает, как оно поведет себя дальше... Первые 11 дней я лежал в областной больнице, а теперь, по просьбе писателей, меня перевели в спецклинику. Ничего хорошего тут нет, но покой и тишина удивительны. И в палате я пока один.

Я уже привык и не скучаю. Посетителей много, я даже устаю от них. Но всех больше обо мне заботится Галя (она сдала госэкзамены) (Галина Михайловна Абрамова, в июле 1966 года — выпускница Архангельского педагогического института. — О. Т.) и семья Шамиля. Без них мне было бы худо».

Для тех, кто близко знал Абрамова, его сердечный недуг не стал неожиданностью. Да и он сам несколько не удивлялся тому, что с ним случилось. Сердце уже давненько давало о себе знать.

Еще 6 июня 1959 года, будучи в Верколе, Абрамов сообщал в письме Мельникову: «Как ни благотворны родные края для человека, но самочувствие у меня неважнецкое. Вялость, сердце пошаливает и т. д. Отчего это? Переутомился?»

Ведь зрел в самый корень Федор Александрович, понимал, и все равно все последующие семь лет, не жалея себя, — работа, работа и работа, да так, что порой и на сон времени не хватало.

И вот микроинфаркт, в одночасье нарушивший все планы Абрамова. Волей-неволей пришлось отложить поездки в Нарьян-Мар, Печору и самое дорогое — на родину, в Верколу, куда он безудержно рвался. Пришлось забыть и о еще проходившей архангельской конференции.

Когда с Абрамовым случилась беда, Людмила находилась на отдыхе в Крыму, в коктейльском Доме творчества, и о том, что произошло в Архангельске с Федором Александровичем, узнала лишь спустя несколько дней из его же письма от 24 июля: «Я специально не писал тебе, чтобы не разбить твой отдых. Ты ведь очень устала, и тебя надо было пощадить».

И даже раскрыв тайну, он в каждом из своих писем настойчиво советовал ей не приезжать: «Думаю, я иду на поправку, и на этот раз все обойдется. А вот в Ленинграде ты меня обязательно встречай». «Я не одобряю твои планы. Зачем тебе приезжать сюда? Я ведь уже писал тебе (в полной памяти и здравом уме), что у меня все в порядке», — настырничал он в письмах. А когда она все же приехала, то был по-детски безудержно рад.

В начале августа лечение закончилось. Абрамова выписали, и он вместе с Людмилой Владимировной вернулся в Ленинград.

Еще какое-то время пришлось придерживаться строгого режима — больше лежать, и даже первый раз «сесть за стол» Абрамов смог лишь 24 августа, о чем он с радостью сообщил в этот же день в своем письме критику Юрию Буртину, с которым его связывали тесные дружеские отношения.

Дело явно шло на поправку, и вскоре городская квартира уступила место уютной комнатке в комаровском Доме творчества, где в самую пору золотой осени до первой

крепкой листопадной пороши они вместе отдыхали, набираясь сил. На время Абрамову, конечно не без нажима Людмилы Владимировны, все же пришлось изменить свой распорядок дня — больше отдыхать, гулять, и работа за письменным столом стала больше походить на исключение, нежели на закономерность. Что делать? Того требовали обстоятельства, и Абрамов мирился.

Несмотря на случившуюся болезнь, в Комарово Федор Александрович приехал в приподнятом настроении. И было чему радоваться! Роман «Две зимы и три лета», рукопись которого после нашумевших весенних событий отказалась публиковать «Звезда», по всей видимости, приживался в «Новом мире».

Еще в июле, когда Абрамов находился на больничной койке, на его ленинградский адрес пришел толстый конверт из «Нового мира», в котором вместе с письмом и возвращенным для доработки текстом романа был и авторский договор.

А ведь еще четырьмя месяцами ранее Абрамов, не надеясь на публикацию «Двух зим...», огорченно писал в своем дневнике: «В четверг, 17 марта, сдал роман в „Звезду“ и „Советский писатель“. Но радости никакой. И полное безразличие к своему детищу. Так у меня всегда. Книга честная. А напечатают ли? Всего скорее — зарежут...» И совсем уж горькая запись 8 апреля: «Роман в „Звезде“ почти зарезан. Смолян (Александр Семенович Смолян, писатель, в 60-х годах был заведующим отделом прозы в журнале „Звезда“. — О. Т.), наговорив мне кучу всяких лестных слов, посоветовал забрать его («В Ленинграде не пойдет». Я было крепко приуныл. А потом одумался. Пусть они, подлецы, нос вешают. А мне-то что? Я ведь написал честную книгу» («Так что же нам делать? Из дневников, записных книжек...»).

Письмо Смоляна от 19 апреля 1966 года, напечатанное мелким машинописным шрифтом на трех листах, которое Александр Семенович просил «рассматривать... в качестве редакционного заключения», еще раз подтвердило правоту Абрамова: роман в «Звезде» никогда не выйдет.

«На заседании, — говорилось в письме, — во всех выступлениях отмечались достоинства романа, его яркая талантливость и впечатляющая сила. Сердечность, не книжность авторской интонации, прекрасное знание деревни, любовь к ней, боль за ее беды, вера в непобедимое упорство людей крестьянского труда. Как об особенно сильной линии романа и особенно значительной авторской удаче говорили о трудовой колхозной семье Пряслиных».

И тем не менее текст письма был сочно пропитан иным мнением редколлегии, явно принявшей роман в штыки. Указав на «серьезные авторские просчеты», что породили «ощущение безысходного трагизма, которое охватывает при чтении ряда глав», Смолян достаточно кучеряво расписал все то, за что редколлегия удалось попенять автору рукописи.

Так, в образе фронтовика Порохина (впоследствии Абрамов иначе назовет этого героя — Денис Першин. — О. Т.) будет увидена «некоторая нарочитость» в том, что его «учили в Кремле», так как он «демобилизуется... из личной охраны Сталина», а значит, «не все были настоящими героями и среди фронтовиков».

Достанется и образу Егорши, в котором живет «пустая душонка, карьерист, пройдоха», и Евсею Мошкину, «попу из старообрядцев», которому «именно вера, стойкость веры помогают... сохранить чистоту души и мудрое спокойствие среди неисчислимых бед и гонений, обрушившихся на него».

Не прошли и мимо заболевшей дочки Нетесова: «Стоит ли давать такое близкое повторение ситуации с лебедями, только что использованной Вами в самостоятельном, уже опубликованном рассказе» (имеется в виду «Пролетали лебеди». — О. Т.).

Укажут и на «нарушение естественного течения событий в романе» в «сближении» сцен допроса Мишки Пряслина и разговора Нетесова с дочкой о КГБ, в связи с чем «ощущается уже не столько свободное течение времени в романе, сколько одна мысль, „направляющая руку“ романиста».

Помянули и о том, что в романе «предвзято, с однобоко отрицательной оценкой» показаны все «районщики» и «портфельщики», в неприглядном облике выведены партработники. «Возможно, атмосфера романа стала бы иной, менее мрачной, если бы Вы, — обращался Смолян к Абрамову, — дали в ходе повествования более широкий выход за пределы одной деревни, если бы больше чувствовалась жизнь всей страны, частью которой является Пекашино, и в жизни этой ощущалось бы не только дурное, не только враждебное затерявшемуся в северных лесах Пекашину».

Говорилось в письме и о некотором «переборе» в использовании диалектизмов, областных речений, вступающих иной раз в «противоречие с общерусским литературным языком».

И как издевательство — концовка письма: «Если пожелания редколлегии встретят у Вас понимание, пожалуйста, сообщите нам... какие сроки, как Вы полагаете, понадобятся Вам для доработки».

Редакционное заключение «Звезды» — «возвратить рукопись автору на доработку с учетом высказанных замечаний» — заставило писателя искать новые пути решения вопроса о его публикации.

Отправляя «Две зимы...» в «Новый мир», Абрамов вряд ли был уверен, что роман будет напечатан и там. Уж очень велика была в нем правда колхозной жизни послевоенных лет.

О «Новом мире» Абрамов вспомнил не случайно. По сути, это был отчаянный шаг и, может быть, единственная, по мнению Абрамова, возможность подарить читателям свое новое творение, продолжение «Братьев и сестер», которое ждали. Отвергни Твардовский публикацию романа, и он наверняка надолго бы лег в писательский стол и вряд ли осилил рубеж 70-х годов, когда над творчеством Федора Абрамова вновь сгустились свинцовые тучи критики. А без «Двух зим...» вряд ли бы получились «Пути-перепутья» и вершина пряслинской эпопеи — роман «Дом», завершивший публикацией в 1978 году грандиозную тетралогию, задуманную автором еще в середине 50-х годов.

После «Братьев и сестер» роман «Две зимы и три лета», работа над которым началась 11 июля 1960 года (именно эта дата поставлена писателем на первом листе рукописи), вновь станет откровением Абрамова, где все, от образов до событий, будет рождено самой жизнью.

Впрочем, изначально Федор Абрамов видел свой новый роман отнюдь не в «Звезде», не в «Роман-газете» и даже не в «Новом мире», к которому так тяготел. Он желал, чтобы роман сразу же вышел отдельной книгой в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель», и уже 30 ноября 1964 года, как и положено, заблаговременно сделал заявку на включение ее в план 1966 года с просьбой заключить авторский договор. «События в этой книге, — пишет в заявке Абрамов, — развертываются в первые послевоенные годы. Задача автора — показать в художественных образах и картинах переход нашей деревни от войны к миру, ее трудности и противоречия, связанные с культом личности и войной, и вместе с тем раскрыть те здоровые начала народной жизни, которые, несмотря ни на что, пробивали себе дорогу.

Книга рассчитана на 15 п. л. К настоящему времени написано больше половины. Закончить книгу думаю к октябрю—ноябрю 1965 года».

Действительно ли надеялся Абрамов, что его новый роман может выйти отдельной книгой уже в 1966 году? Неужто он не ощущал всей той нездоровой атмосферы вокруг

себя, когда просил «Советский писатель» заключить с ним авторский договор на издание книги? Или во всем была виновата все та же природная наивность Абрамова, которая частенько выходила ему боком.

Конечно, «Советский писатель» тогда не заключил с писателем никакого договора, вовсе не соизволив написать ответ Абрамову.

Работу над текстом нового романа «Две зимы и три лета», который до осени 1964 года имел рабочее название «И наступил мир...», Федор Абрамов закончил к весне 1966 года, оформив к этому времени окончательный черновой вариант рукописи. Долгие шесть лет нелегкого изнурительного труда над каждой строкой, над каждым образом. В копилке писательского архива сохранились сотни черновых листов с замечаниями, исправлениями, добавками — всем тем, что рождалось во время работы над романом вкупе с огромной исследовательской работой. Да, Абрамов был именно кропотливым исследователем — наверное, сказывалась жилка научного работника. Вырезки из газет того послевоенного периода, личные документы колхозников, облигации денежных займов, всевозможные справки, записки и даже... «Личное дело колхозника М. А. Абрамова», которое Федору Александровичу передали на вечное хранение из архива колхоза, станут неоспоримым подлинным подтверждением событий той эпохи, которая будет описана в романе.

За годы работы над романом «Две зимы...» Федор Абрамов сделал не одну его рукописную рабочую копию. По крайней мере, на настоящий момент известно о четырех рабочих вариантах романа, три из которых хранятся в Пушкинском Доме и один, по всей видимости последний, содержащий самое большое количество авторских правок, в Архангельском литературном музее.

Отчего так много вариантов рукописей романа? Желание автора или прихоть цензоров? Не ошибемся, если скажем — и то и другое. Федор Александрович, с присущей ему долей неуверенности во многих своих начинаниях, в том числе и в литературных, видя в рукописи слабые места, всякий раз, как только садился за стол править, определял для себя все новые и новые огрехи в тексте, которые неплохо было бы доработать. Так день ото дня рукопись «Двух зим...» обростала все новыми и новыми листами дополнений и, наоборот, исключений, вариантами глав, при этом, что вполне естественно, меняя свой объем.

За несколько месяцев до сдачи рукописи в машинопись, в письме от 16 ноября 1965 года Абрамов с явной ноткой усталости сообщал Юрию Буртину, к этому времени уже члену редакционного совета журнала «Новый мир»: «Роман вчерне написал — это верно, но работа над ним по существу начинается... Хочется переписать все заново».

Вот так, даже поставив финальную точку в романе, Абрамов еще несколько месяцев по-прежнему продолжал колдовать над текстом романа, жить им.

И даже вся эта многомесячная работа над рукописью перед отправкой ее в «Звезду» была ничтожно мала по сравнению с той титанической правкой «Двух зим...», которую проделал Абрамов для «Нового мира». По предложению редакции журнала Абрамов должен был не просто «пройтись» по тексту, но и в корне перелопатить его, по сути, переписав роман заново. Более полугодом изнурительного труда — и это после перенесенного микроинфаркта! Обещанная публикация романа в «Новом мире» заставила отложить на потом все другие литературные дела и даже в какой-то степени изолировать себя от общественной писательской жизни.

21 апреля 1967 года секретарь правления Союза писателей РСФСР Михаил Алексеев настойчиво, уже повторно, просил откликнуться Абрамова и принять участие

в совещании за круглым столом, посвященном сельской тематике — «О сельской нови и изображении ее в литературе», которое должно было состояться 4 мая в Большом зале ЦДЛ в Москве. Участие в круглом столе требовало утряски кое-каких формальностей, в первую очередь — бронирование гостиницы на время совещания.

Абрамовская тема, да и отказаться было нельзя. Федор Александрович принял предложение, но заглянул в столицу всего лишь на пару дней. В Ленинграде ждала правка рукописи «Две зимы и три лета».

В абрамовском архиве сохранилось одно очень интересное письмо от сотрудника редакции «Новый мир» И. Виноградова некоему Николаю Степановичу. Письмо, место которому в архиве адресата, никоим образом не должно было оказаться у Абрамова. И тем не менее оно есть.

17 июня 1966 г.

Уважаемый Николай Степанович!

Благодарим Вас за заботу о журнале. С романом, о котором Вы пишете, редакция знакома, в настоящее время автор дорабатывает рукопись, после чего будет решен вопрос о печатании романа в журнале.

С товарищеским приветом,

Член редколлегии по прозе И. Виноградов

По всей видимости, получателем письма являлся верколец Николай Степанович Минин — один из тех, чья подпись стояла под «Открытым письмом земляков...», а также ставший одним из прототипов образа Петра Житова в романе «Братья и сестры».

Вероятнее всего, Минин обратился в «Новый мир» по просьбе самого Абрамова с одной лишь целью — «прощупать» отношение редакции к «Двум зимам...», а полученный ответ потом переслал Федору Александровичу. Для Абрамова же цель такой просьбы была проста — узнать о действительной дальнейшей судьбе романа в «Новом мире». Ведь отвечая рядовому читателю, редакция вряд ли бы слюкавила.

Осилив работу над рукописью к лету 1967 года, фактически переписав роман заново, Федор Александрович собственноручно отвез «Две зимы...» в «Новый мир».

И даже выправив роман, мужественно переломив себя, сократив многие значимые, а отчасти и ключевые моменты в тексте, он по-прежнему мало верил в его публикацию даже в таком виде.

Запись в дневнике 29 июня 1967 года: «Кончил роман и отвез в „Новый мир“. Поначалу радовался: неплохо получилось. Даже многое нравилось самому (редкий случай).

А сейчас снова уныние: Чему радоваться? 99 % за то, что не пойдет.

Цензура свирепствует зверски. Из статей вычеркивают самые нейтральные факты...» (Федор Абрамов. «Так что же нам делать? Из дневников, записных книжек...»).

Потекли дни томительного ожидания, наполненные тревогой безызначности о судьбе рукописи. Примут или вновь вернут на доработку? Думалось всякое. А еще Абрамов хорошо понимал, что его рукопись пришла в «Новый мир» не в лучшее для журнала время.

В 1966 году «Новый мир» за излишний либерализм и отход от линии партии вновь угодил под пресс идеологической проработки, который в конечном итоге в феврале 1970 года все же выдал Твардовского с поста главреда. Твардовскому, чье имя, что вполне естественно, отождествлялось с «Новым миром», припомнят все разом: и собственного «Василия Теркина на том свете», и поэму «За далью — даль», и солженицын-

ского «Один день Ивана Денисовича», и то, что отказался одобрить судебный приговор Синявскому и Даниэлю, отказавшись поддержать большинство... Все разом, все в кучу! Руководство Союза писателей настойчиво требовало разобраться с «Новым миром», а уговоры председателя правления Союза писателей СССР Константина Федина признать Твардовскому ошибки успехом не увенчались. И за все это как мера предупреждения скорый вывод из состава ЦК и Верховного Совета РСФСР, яростное бичевание в Союзе писателей.

5 января 1967 года Твардовский запишет в своем дневнике, фактически открывая этой записью грозовой для себя самого и «Нового мира» 1967 год: «Гибельной для ж-ла оказалась его популярность дома и за границей — ничего не должно быть такого. — Нет уж!» И уже через три дня: «Я пишу это письмо в связи с моим вынужденным уходом из журнала „Новый мир“, которому я отдал в общей сложности 12 лет жизни...» И почти тут же, словно мысли витязя на распутье: «Передо мной на выбор:

либо „не бросать журнал“, оставаться на месте, зная, что на этом месте нужна лишь моя фамилия (до поры, когда ж-л „перестроится“, перестанет быть тем, чем он был), влачить безрадостное и безнадежное существование в этом качестве;

либо — с болью, с горечью крайней, но с радостью, с сохранением достоинства, рискуя навлечь на себя всевозможные немилости — уходить. Не ясно ли?»²

Мог ли Абрамов при таком раскладе дел надеяться на печать романа в «Новом мире» даже при составленном авторском договоре? Конечно, нет.

И вот тут-то сам по себе напрашивается вопрос: почему Твардовский в такой сложный для журнала период принял решение о публикации абрамовского романа «Две зимы и три лета», в котором, по его же словам, все было «нелегально»? Захотел еще одной черной метки для себя и журнала?

Единогласного мнения на этот счет нет. Можно предположить, что у Твардовского, жутко уставшего от всей закулисной возни вокруг «Нового мира», крепко выиграло чувство собственного достоинства и нежелание мириться с навязываемыми постулатами угодничества и усаживания литературы «в клетку». Но вероятнее всего, ключевую роль в публикации «Двух зим...» сыграли несколько иные причины.

Твардовский, понимая, что его уход с поста главреда в ближайшем будущем уже предрешен и что без него роман вряд ли будет вообще напечатан в «Новом мире», просто пошел напролом, взяв на себя большую долю ответственности за публикацию, несмотря на то, что были серьезные предостережения сотрудников редакции на этот счет. Он подписал «Две зимы и три лета» в печать, предварительно еще задолго проанонсировав его, заключив с Абрамовым авторский договор (еще до доработки текста!), что было также своего рода умелым редакторским ходом.

Но, возможно, это была своеобразная компенсация от Твардовского Абрамову, которого в силу различных обстоятельств на протяжении довольно длительного срока не желал публиковать «Новый мир». Вопрос открыт. Впрочем, ответить на него мог лишь сам Твардовский!

Более двух месяцев Абрамов был в неведении о судьбе рукописи. Думы терзали душу и сердце. И самое главное — прочитает ли роман Твардовский? Как оценит? И даже если прочитает, все одно, надежды на публикацию были мизерные.

По воспоминаниям Людмилы Владимировны, в этот период ожидания весточки из «Нового мира», словно убегая от назойливых дум, Абрамов уехал на север, в Верколу, отчасти тем самым компенсировав этой поездкой несостоявшееся из-за болезни прошлогоднее путешествие.

² Твардовский А. Т. Новомирский дневник. Т. II. 1967—1970. М., 2009. С. 10, 11, 13.

17 августа 1967 года в Доме культуры деревни Веркола состоялась встреча земляков с Федором Абрамовым. Для Верколы это было событие!

Небольшой зал деревенского ДК был наглухо забит присутствующими. Кому не хватило места, стояли вдоль стен. Веркольцы, а еще жители Кушкопалы, Ваймуши и Еркино... Все хотели слышать Абрамова.

Федор Александрович еще до того, как прийти в клуб, наблюдал из дома брата Михаила (благо что оконца избы смотрят прямо на ДК), как спешит народ на встречу с ним, торопится. После той шумевшей эпопеи с «Открытым письмом земляков» по поводу повести «Вокруг да около» Абрамов лишь в это лето откликнулся на предложение веркольцев провести читательскую встречу.

Стоя на невысокой сцене за трибуной, всматриваясь в лица земляков, он наверняка думал не только о тех вопросах, что посылались ему из зала, но и о том, поймут ли они его «Две зимы и три лета», они — главные герои его романа.

Абрамов не только рассказал землякам о новом своем детище, но и вместе с Владимиром Левиным — корреспондентом «Литературной России» Архангельского отделения — побывал в районе у Поздняева — первого секретаря горкома — с предложением посодествовать в публикации нескольких глав романа «Две зимы и три лета» в «Пинежской правде».

29 августа Твардовский, прочитав роман, ответил Абрамову:

Дорогой Федор Александрович!

Пишу Вам под свежим впечатлением только что прочитанной Вашей рукописи. Всего, конечно, я не скажу в этом письме ни в смысле ее значительнейших достоинств, ни в смысле некоторых недостатков и слабостей, но не могу просто пребывать в молчании впредь до встречи с Вами, которая, полагаю, должна состояться в ближайшее время.

Я давно не читал такой рукописи, чтобы человек несентиментальный мог над нею местами растрогаться до настоящих слез и неотрывно думать о ней при чтении и по прочтении.

Словом, Вы написали книгу, какой еще не было в нашей литературе, обращавшейся к материалу колхозной деревни военных и послевоенных лет. Впрочем, содержание ее шире этих рамок, — эти годы лишь обнажили и довели до крайности все те, скажем так, несовершенства колхозного хозяйствования, которые были в нем и до войны, и по сей день не полностью изжиты.

Книга полна горчайшего недоумения, огненной боли за людей деревни и глубокой любви к ним, без которой, вообще говоря, незачем братья за перо. Конечно, много в тех нечеловеческих трудностях деревенского бытия, которых Вы касаетесь, можно отнести за счет местных, северных условий, но так же, как нельзя во всем винить одну войну и все ею объяснять, так и «местные условия» не покрывают всего.

Книга населена столькими прекрасными по живости и натуральности своей людьми, судьба которых не может не волновать читателя, — они, эти люди — и старики, и дети, и юноши, и женщины, и редкие мужчины среднего возраста невольно воспринимаются, как его, читателя, деревенская родня, сверстники и друзья, оставшиеся там по многосложным обстоятельствам. Незабываемы картины первого возвращения кормильца Михаила с лесоповальных и лесосплавных работ с гостинцами и подарками оголодавшей и охолодавшей вдовьей семье. Здесь впервые обрисовывается с исключительной сердечностью и нежностью образ Лизы (как-то не хочется называть эту чудную девчущку-девочку Лизкой), который еще развернется потом с необычной, щемящей привлекательностью в картинах проводов ее Михаилом в лес, с обучением по дороге тяжелому, неведичьему искусству управляться с топо-

ром; в ее новогоднем посещении семьи, наконец, в отчаянном ее замужестве «из-за коровы».

Да и не одна Лиза, — я начал с нее, потому что она — истинное открытие художника и человеческое обаяние этого образа просто не с чем сравнивать в нашей сегодняшней литературе. Но я не хочу сказать, что другие образы написаны слабее — «мать» (лучше все-таки в именительном падеже — мать), ребята-близнецы, председательница Анфиса Петровна, «поп» Мошкин, жуликоватый и «прожиточный», но и симпатичный, вопреки, может быть, намерениям автора, Егорша, — не буду всех перечислять, — не статью пишу, — даже на редкость сильно показан первый секретарь райкома, на долю которого в литературе обычно выпадает роль «бога из машины». Замечательно, что этот фанатик «выполнения плана», страшный тем, что он не откуда-нибудь извне, а здешний, знающий труд земляков, «бессердечный бурмистр, окаменевший в инертных понятиях, всецело зависящий от указаний», при ближайшем рассмотрении тоже человек.

Словом, в книге есть то, что делает книгу явлением — образы людей, явившиеся в ней во плоти, которых не спутаешь с образами других книг...

О письме главреда «Нового мира» Абрамов узнает из телеграммы Людмилы, а прочитает его лишь в начале сентября по возвращении из Верколы.

«Я потерял сон, — запишет в своем дневнике Абрамов. — Ночью проснусь и вспоминаю: а меня ведь Твардовский похвалил. И все-таки я проявил твердость — не полетел сломя голову в Ленинград. Нет, я остался в Верколе... А письмо Твардовского хотелось прочитать — нечего скрывать. Очень хотелось, особенно, когда Люся сообщила содержание его по телефону. Я слушал-слушал ее и едва со стула не упал: не ожидал, не ожидал таких похвал от Твардовского. Ведь это же надо: такой книги еще не читал...»

Заседание редакции «Нового мира» по вопросу публикации абрамовских «Двух зим...» состоялось 28 сентября 1967 года.

Для Абрамова, приглашенного тогда на заседание, мнение главреда о романе уже было известно. Но что скажут Дорош, Хитров, Марьямов, Айтматов и другие? Не станут ли они убеждать Твардовского в обратном? Или вновь вернут рукопись на доработку? А вдруг на заседание придет Федин, также состоявший в редсовете?

Наверное, Абрамов был готов к любому повороту событий вокруг романа, даже самому худшему, остро чувствуя напряженную атмосферу вокруг журнала, нагнетаемую недоброжелателями.

Время сохранило нам объемистую папку с материалами того значимого для Федора Абрамова сентябрьского заседания новомирцев, решивших во главе с Твардовским судьбу его «Двух зим...»

В конечном итоге за публикацию романа тогда проголосовали без исключения все члены редсовета. Конечно, были определенные рабочие замечания по тексту, которые надлежало автору устранить в кратчайшие сроки, но тем не менее «Две зимы и три лета» выходили на финишную прямую после долгого нелегкого марафона на пути к читателю.

Спустя три недели после редакционного заседания, 17 октября, на стол Твардовского легли рецензии всех членов редсовета, принимавших участие в разборе нового абрамовского романа. Каждый из рецензентов, определяя плюсы и минусы произведения, по-своему видел новое абрамовское детище. Кто-то был краток и искренен в суждении о романе и, не развозя свои мысли на множестве страниц, довольствовался всего лишь одним листком, а для кого-то нужен был масштаб рецензии, в глубине которой, как в лабиринте, можно было сокрыть свою главную мысль. Не исключено,

что написанию таких развернутых рецензий способствовали и непростая ситуация вокруг «Нового мира», и в какой-то мере нажим Твардовского, очень желавшего опубликовать роман в журнале, который в конце 60-х годов мог вполне прекратить свое существование.

Осторожность ряда рецензентов, не пожелавших ярко подчеркнуть жизненную правоту автора в романе, а порой решивших и вовсе поставить под сомнение истинность реализма «Двух зим...» (!), была не чем иным, как актом самосохранения, возможностью хоть как-то вывести себя из-под удара, который неминуемо должен был наступить «Новый мир» после публикации романа.

Твардовский, желавший как можно скорее поставить точку в редакторской борьбе за судьбу романа, не мог не предвидеть всего того, что действительно могло и наверняка ожидало «Новый мир» после того, как он вновь впустит на свои страницы Федора Абрамова.

И вот они, рецензии, которые долгие годы как память о той битве за роман бережно хранились в абрамовском архиве в особой папке, где рукой самого Федора Александровича было написано: «Обсуждение романа „Две зимы и три лета“ на редколлегии „Нового мира“ 27/IX». Нет смысла цитировать их все, достаточно привести лишь несколько разноплановых, чтобы представить всю палитру тех страстей, что тогда кипели вокруг романа в «Новом мире».

Ефим Дорош: «Роман Федора Абрамова я читал с интересом и волнением, хотя многие страницы его далеки от совершенства, многое еще сыро, недоделано, а кое-что, вероятно, так и останется приблизительной колхозной литературой, не станет истинной реалистической прозой, так как в основании лежит сочинение, а не жизнь. Однако правдивость и искренность этого произведения столь велики, что недостатки его, при всем том, что они вызывают досаду, не могут помешать читать роман, повторяю, со все возрастающим интересом, испытывать волнение, боль, радость, — то есть все то, что вызывает у нас истинное искусство.

На мой взгляд, открытием Абрамова следует считать характер Михаила, этого молодого, из самой жизни выхваченного мужичка современной формации; да и вся семья Пряслиных очень хороша, особенно же Лизка, сестренка Михаила, прелестная, тоже не сочиненная девчонка послевоенных деревенских лет, изображенная такой, какая она есть, без прикрас, в развитии, в росте, с ее, на мой взгляд, трагической судьбой в конце книги. Отличен и Егорша, тоже до сих пор никем не увиденный в деревне, а если кто и видел его, то, не разобравшись, приукрасив, рисовал этого своеобразного колхозно-районного Растиньяка неким передовиком, человеком новой формации и так далее, как это сделал автор очерка о Егорше, журналист районной газеты.

В сущности, семья Пряслиных и семья Егорши — это и есть весь роман, или повесть, или хроника, мне, да и читателю, безразлично. Однако Абрамов, можно предположить, считал, что произведению недостает таких черт и подробностей, какие необходимы, чтобы оно было настоящим колхозным романом, и он внес в него то, что, на мой взгляд, только портит его и, в силу своей сочиненности, улучшению не поддается или почти не поддается, разве что путем изыятий и сокращений...»

Юрий Буртин: «Роман удачен, и его надо печатать. Что, на мой взгляд, могло бы усилить книгу?

1. Более отчетливо и полно следовало бы прорисовать характеры основных персонажей: Михаил, Анфиса, Илья Нетесов, Петр Житов...

2. Хорошо бы также сделать более густой, более осязаемой бытовую атмосферу деревни, уклад ее жизни, строй взаимоотношений односельчан и т. д.

3. ...Сюжетный драматизм мог быть с пользой для книги несколько ослаблен. Сейчас большая часть книги представляет собой нагнетание трагических событий, иные из которых (арест Мошкина, смерть Тимофея и Трофима, болезнь Вали Нетесовой, несчастье с коровой у Пряслиных и др.) носят более или менее случайный характер, и такое нагнетание может вызвать упрек в искусственности.

4. Есть в книге персонажи не слишком обязательные (таков, к примеру, Лукашин, а также председатель колхоза, сменивший Анфису). Их лучше вовсе исключить».

Довольно цельная, по существу, не раздутая по мелочам оценка романа А. Марьямова.

«Во второй раз (после авторской переработки), — сообщил Марьямов, — прочитал „Две зимы и три лета“ Ф. Абрамова.

При всем обилии художественного ряда претензий, какие возникали при прочтении весьма еще сырой рукописи в прошлом году, — книга мне уже и тогда показалась весьма значительной. Еще лучшее впечатление она оставляет теперь, когда автор работал над ней много и мужественно, пойдя на многие и очень полезные сокращения.

Абсолютно готовых и доведенных до полного совершенства рукописей не бывает. Конечно, можно бы и теперь отыскать немало мест, которые автор мог бы еще улучшить. Порой публицист одолевает художника и предложенные им готовые, разжеванные выводы вытесняют картину естественно развивающихся событий, которая должна была бы сама привести читателя к тем же выводам, делая их тем самым более убедительными и глубокими. Однако, портреты обитателей „пряслинского дома“, характер Варвары Иняхиной, весь рассказ о послевоенной жизни северного села написаны с такой достоверностью, с какой до сих пор это удалось лишь Белову (имеется в виду повесть В. Белова „Привычное дело“, публикация которой прошла в журнале „Север“ и рецензия на которую вскоре была опубликована в „Новом мире“. — О. Т.). И я думаю, что из рукописей, прошедших через нашу редакцию в нынешнем году, роман Абрамова — после Залыгина — является самым значительным.

Не стану здесь говорить о том, что может (и должно) быть сделано при совместной работе автора с редактором. Думаю, что весь объем этой работы требует не более, чем недельный срок.

Сомнений же в необходимости довести эту рукопись до публикации в „Нов. мире“ у меня нет никаких. Она может стать достойным открытием нашего отдела прозы в наступающем году».

Борис Рахманов, отзыв которого заслуживает особого внимания, не участвовал в обсуждении романа 28 сентября, его рецензия как критика была внешним прочтением романа и подготовлена по просьбе Твардовского. «Новый роман Федора Абрамова имеет то счастливое свойство, отличающее далеко не всякое талантливое и правдивое произведение, что, перевернув последнюю страницу, как-то с трудом себе представляешь, что вчера еще этого не читал, а два года назад такого романа вообще не было! Говоря это, я не хочу причислять Абрамова к сонму классиков, отнюдь нет: роман не ровный. Есть в нем страницы и слабые, и лишние. Но, тем не менее, отчетливо видишь: все написанное рвалось из сердца, автору кровно дорога судьба его героев, судьба северной русской деревни, он не мог о ней не написать...

Парадокс заключается в том, что Михаил Пряслин несет на себе черты той заданности, которая могла сделать его лишь механическим выразителем авторских чувств

и мыслей. Да, Михаил написан именно так, программно — все же он самый живой в этом живом романе. Как это вышло — не берусь угадать. Либо у автора имелся в действительности надежный, очень надежный прототип Михаила (Рахманов как в воду глядел! — О. Т.), либо авторское желание создать образ такого парня было настолько страстным, что оно сообщило искусству необходимую силу. Пожалуй, скорее последнее...

Антипод Михаила — Пашка Ставров, первый парень не только на деревне, но всюду, где бы он ни был, чем бы не занялся (Рахманов, вероятнее всего, ошибся, переименовав Егоршу в Пашку, но и нельзя исключать, что Абрамов первоначально хотел дать именно такое имя Суханову-Ставрову и Рахманов давал рецензию на несколько иной вариант романа, однако это лишь предположение, еще одна загадка „Двух зим...“ — О. Т.). Возможно, что он способнее и умнее Михаила, возможно, что просто хитрее, смеклистее, — во всяком случае, находчивость, предприимчивость, самонадеянность органичны для этой одаренной натуры, это все выражения своеобразного динамизма этого деятельного характера. У Пашки несомненно есть обаяние, недаром с его неприятными свойствами, а их у него тоже немало, долго мирится Михаил, натура нравственная и глубокая. Прежде чем окончательно осознать враждебность своим взглядам, принципам, убеждениям, — Пашкиной беспринципности, цинизма, нахальства, он дорожит дружбой с ним, и лишь неожиданное сватовство Пашки к любимой сестре Михаила приводит Мишку в ярость, а затем в отчаяние.

Финал романа Ф. Абрамова — свадьба Лизы и Павла — как раз пример того, как герои романа обрели независимость от добрых желаний автора...

Именно так, внешне как будто традиционно, а на самом деле свежо и по-новому, построено большинство событий романа. Взять хотя бы снятие с поста председательницы колхоза Анфисы Мининой... А сложное переплетение судеб — Михаила, Варвары, Анфисы, Григория — сколько в этом житейских превратностей. Я не вижу здесь авторского произвола, я вижу лишь произвол жизни, которым явно наслаждается автор, а вместе с ним и мы. Автор не допускает нас в душу Варвары, когда она так внезапно предпочитает восемнадцатилетнему Михаилу, с которым так увлеченно крутила любовь, пожилого Григория, отвергнутого Анфисой...

Гибель коровы в какой-то мере способствует роковому замужеству Лизы. Так один материальный факт послужил причиной возникновения целого сложного комплекса, дал развернуться клубку человеческих отношений и переживаний, и в этом опять проявляется художественное мастерство Абрамова и знание им крестьянской жизни.

Я оборвал список персонажей на Пашке Ставрове. Если список продолжить, то надо сказать, что Анфиса и Варвара, крутой секретарь райкома Подрезов и „старый райкомовский коняга“ инструктор Ганичев написаны тоже отлично — что ни человек, то характер. Это же можно сказать и о жене Ильи Нетесова Марии, слабее мне показался сам Нетесов, чуть ли не единственный партиец в деревне. Несколько дежурным ничтожеством, знакомым нам и по жизни, выглядит Першин, на год сменивший Анфису у колхозного кормила...

Правда, гораздо обиднее, что не ярок, не выразителен, не ожил в романе Лукашин, пришедший на место Першина и женившийся на Анфисе. Он вызывает наши симпатии, наше сочувствие...

Сложная фигура Евсея Мошкина как пришла в роман, так и ушла под таинственным флером. Человек он несомненно работающий и добрый, но излишняя „святость“ придает ему некоторую елейность и сладостность...

Но вернусь к центральной фигуре романа... Михаила Пряслина мы застаем в начале романа восемнадцатилетним и расстаемся в конце — с двадцатилетним...

Вот уж кого не упрекнешь в святости... Михаил порывист, прямолинеен, груб, нередко несправедлив и пристрастен. Жизнь словно нарочито ставит перед ним испыта-

ния и преграды. Преодолевая их Михаил закаляет свой дух, свое мужество и мы вместе с ним глубоко и сильно переживаем его немногие срывы, после которых он становится лишь прямее, честнее, — он никогда не прощает себе своих ошибок.

Любопытно, что я еще не успел полюбить семью Пряслиных, а уже где-то на 17-й странице отметил для себя: „Трудная у них жизнь, а все равно вкусно про нее написано. Все освещено дружбой в этой семье; и при этом никакого сусала“...

Вот почему считаю уместным отметить несколько переживов и переборов. Не слишком ли высветлены двойняшки, братья Михаила? Они уже такие праведные. Словно с картины Нестерова! Наверное, автор сам чувствует, поэтому и противопоставил им третьего брата, звереныша и ворюгу Федьку.

Существеннее другое. Это рассуждения Михаила (и вместе с ним автора) о чирьях, появляющихся у него тогда, когда он занимается не крестьянской работой. От крестьянской работы чирьи моментально исчезают... Вся штука в том, что это написано без юмора, патетично...

Показался мне мелодраматичным эпизод: Михаил везет тело умершего в больнице Тимофея через полую воду... Стоит ли вводить Мишку в гамлетизм или что-нибудь в этом роде?

В приезде Лизы домой под Новый год маловато деталей, поэтому эпизод выглядит несколько подстроенным и чувствительным...

Не рановато ли появились «портфельщики» в коммуне 30-х годов? „Портфельщики“ ли ее съели? Не проявляется ли здесь похода, и не очень оправданно в данном случае, раздражение вообще на городских людей в деревне?..

Рецензия затянулась, кончаю, хотя предстоящая редакция романа потребует, возможно, более подробного анализа всех его компонентов, и не потому что он слаб, а потому, что силен и, будучи издан, обязательно привлечет самое пристальное внимание критики и читателей. Талантливая, серьезная и горячая книга».

Добавим, что из всех рецензентов лишь один Рахманов попал в точку, усмотрев в образе Егорши положительного героя «новой формации», созданного автором в противовес колхознику Мишке Пряслину. Образ Егорши Суханова-Ставрова, одного из главных героев «Двух зим...» и последующих двух романов тетралогии, обозначенный в «Братьях и сестрах» лишь легким штрихом в 14-й главе (в доме Ставровых «раньше хоть Егорша голос подавал...»), собирательный. В Егорше Абрамов хотел показать не только человека, умеющего следовать духу времени, искать не только выгоду в жизни, но и человека, умеющего правильно жить, умело распоряжаться собой и своим трудом, что в колхозной коммуне было просто невозможно.

Абрамов, уже хорошо расписав образ Мишки Пряслина в «Братьях и сестрах», осторожно вводит в свое повествование Егоршу, вначале не как антипода и уж никак не плохого персонажа, а просто иного, по сравнению с Мишкой, имеющего свои взгляды на жизнь. Егоршу не понимают колхозники, видя в нем приспособленца. Да и совести у Егорши не меньше, чем у Мишки, только выплескивается она наружу несколько иначе. Уже в 3-й главе говорится о том, что Егорша, пребывая вместе с Михаилом на лесорубных работах, зная о многодетной пряслинской семье, уступил ему свои «промтоварные талоны» для синей байки на штаны Петьке и Гришке. С 4-й главы Егорша — полноправный участник пекашинской саги. «Был Егорша невысок, худошав и гибок, как кошка. Смала Егорша очень походил на робкую, застенчивую девчущку. Бывало, взрослые начнут зубанить — жаром нальются уши, вот-вот, думаешь, огонь перебросятся на волосы — мягкие, трепаные, как ворох ячменной соломы. Но за три года житья в лесу Егорша образовался. Стыда никакого — сам первый похабник стал. Глаз синый в шелку, голову набок, и лучше с ним не связывайся — кого угодно в краску вгонит.

К деду Егорша переехал в сорок втором году, после того как мать задавило деревом на лесозаготовках». Дед было завел «разговор о перемене фамилии, но Егорша заупрямился. Тем не менее, в Пекашино все и в глаза, и за глаза называли его Ставровым. И тогда Егорша схитрил: к отцовской фамилии Суханов стал приписывать фамилию деда.

— Со мной, брат, не шути, — говорил он, довольный своей выдумкой. — У меня, как у барона, двойная фамилия».

Так и пошло: Суханов-Ставров. По-особенному, не как у всех, словно Абрамов уже и этим хотел подчеркнуть неординарность личности своего героя. Егорша — не отрицательный герой, он просто иной, и в этом его притягательность.

Егорша Суханов-Ставров, наделенный Абрамовым особым экономическим мышлением, которое не свойственно никакому-либо другому герою «Двух зим...», родился, и в этом нет ни малейшего сомнения, на фоне повести «Вокруг да около», вобрав в себя многое из того, о чем думал автор, разрабатывая тему справедливого отношения к труженикам села.

Весьма содержательной была и внешняя рецензия сотрудника Пушкинского Дома, доктора филологии Петра Созонтовича Выходцева, ко всему тому возглавлявшего кафедру советской литературы Ленинградского госуниверситета, которой в свое время заведовал и сам Абрамов:

«Прямо скажу: в романе почти нет светлых, радостных картин и судеб... Автор стремится показать не только трудности и недостатки, но и понять ту духовную и физическую силу людей, которая позволяет им переносить эти трудности и невзгоды, надеяться на их преодоление...

Федор Абрамов утверждает мысль о социально-нравственной основе наших людей, умеющих сохранять в самые трудные времена чуткое человеческое сердце, чувство взаимопомощи, моральный облик труженика».

После небольших замечаний по поводу «художественной емкости, масштабности... и рыхлости сюжета» Выходцев указывает, что одним из главных достоинств романа есть «этнографическая среда», в связи с чем «форма, манера изложения вполне отвечает авторскому замыслу и материалу». «Роман Ф. Абрамова „Две зимы и три лета“, — подытоживает автор рецензии, — считаю интересным и значительным произведением о нашей деревне и рекомендую его к печати».

Абрамов принял предложение редсовета еще раз проработать роман, но уже в очень сжатые, короткие сроки.

И вот он, итог многочасового заседания, звучащий как приговор, — протокол с постановлением, подписанный ответственным секретарем редакции М. Хитровым и заверенный новомирской печатью: «Рукопись одобрить. Поручить редакторскую работу Дорошу Е. Я. Запланировать публикацию романа на 1–3 номера 1968 года».

Уже после заседания за успех разрешенного вопроса с романом «Абрамова на коротке, но все же sprysнули в кофейной на Петровке», — запишет Твардовский в своем дневнике спустя два дня после случившегося.

В Ленинград Федор Абрамов вернулся с рукописью, на которой были пометки, сделанные рукой Твардовского. Предстояло еще некоторое время напряженной работы по вымарыванию из романа всего того, на что указали главред и члены редакции. Отстаивать эти моменты было бессмысленно. В противном случае публикации не видать! А резать по живому у Абрамова уже не было сил.

3 октября 1967 года, после возвращения из Москвы, в абрамовском дневнике появится такая запись: «Роман мой в „Новом мире“ одобрили. Но я не верю, что его пропустит цензура. И у А. Т. на этот счет тоже нет настроения. Кто-то из членов редколлегии сказал, что главу о займе зарежут.

— Эх, если бы только главу! Там все нецензурное, — сказал Твардовский. — Взять хотя бы этого Мошкина. Где Вы видели, чтобы положительно изображали сектанта.

Да, надо бы радоваться. Ни кто-нибудь, Твардовский вознес тебя до небес. И что, какую цену имеет по сравнению с ним вся наша критика?»

13 ноября срочная телеграмма из «Нового мира» от Дороша: «Прошу срочно приехать для работы захватите первый экземпляр правкой Твардовского = Дорош».

На следующий день Абрамов вылетел в Москву.

Командировка в Москву затянулась больше чем на две недели. Отбывая в столицу, Абрамов еще не знал, что все эти 16 дней он будет вместе с Дорошем при посредничестве Твардовского «чистить» роман, практически перетряхивая целые главы, меняя текст и даже его концовку. Конечно, будет и немного времени на отдых. И в один и ноябрьских дней Абрамов в сопровождении Дороша первый раз в своей жизни побывает в подмосковном Сергиевом Посаде, тогдашнем Загорске, в знаменитой Троице-Сергиевой лавре. Будут короткие прогулки по Москве, по Замоскворечью. И почти каждое утро Абрамова, идущего в «Новый мир» как на работу, будет встречать бронзовый опекушинский Пушкин. «Боже, какая красота и духовная мощь! — восторженно запишет Абрамов о памятнике. — И печаль, и мудрость, и т. д. Ничего, ничего подобного не знаю в скульптуре. Это Пушкин. Таким я понимаю Пушкина».

За год из «Двух зим...» в общей сложности пришлось удалить почти 40 % текста из всего того объема, что был изначально предложен к публикации «Новому миру».

На возмущение Абрамова о столь сильных сокращениях в романе, высказанное в очередной приезд в редакцию, Твардовский ответил писателю: «Получайте скорее свои 60%! Немедленно, пока не прикрыли эту лавочку».

Твардовский в связи с выходом романа явно нервничал.

С 20 ноября Абрамов, сдав рукопись Дорошу, больше к тексту не прикоснулся. Именно эта дата авторского окончания работы над романом и будет указана в новоявской публикации «Двух зим...».

1 декабря Федор Александрович запишет в своем дневнике: «Лакшин и Кондратович меня изумили — вырубил все самые острые места (биография Е. Мошкина, заем, причины падения коммуны). В общем, и в „Новом мире“ цензура».

«Благодаря» работе новоявской цензуры в романе появился довесок — «Вместо эпилога» вовсе не уместный, меняющий ход авторской мысли и по-своему, по-оптимистически завершающий роман. А самое главное, вопреки желанию автора, увязав его имя с Пекашино-Верколой.

В эпилоге, вдруг ни с того ни с сего сам автор становится «героем» романа — пекашинцем и в письме к другу, зазывая его в Пекашино, с гордостью сообщает: «Это ты когда-то, прочитав моих „Братьев и сестер“, поддал мне мысль рассказать про жизнь Пряслиных после войны.

И вот эта книга. Правда, книга намекает всего лишь про две зимы и три лета их послевоенного бытия, и я уже как бы слышу твои нетерпеливые вопросы: а что же дальше? Как сложилась судьба Михаила, Лизы и их младших братьев и сестренки в последующие годы? И вообще — что стало с Пекашиным?»

Наберись терпения, дружище. Я хотел бы написать еще не одну книгу о северной деревне, о моем Пекашине...

Ну, а если все же тебе неохота ждать, почему бы тебе самому — сейчас — не съездить на Пинегу? Ведь Пинега не выдуманная земля. Она моя родина. И стоит тебе только добраться до Архангельска, как оттуда рукой подать до районного центра — пятьдесят минут самолетом, а там автобусом, на попутной машине. Через сосновые леса, по заливным лугам, вдоль красавицы-реки с чистой и светлой водой, в которой нет-нет да и взиграет царь-рыба — семга.

Да, перемены на Пинежье большие, и на них стоит посмотреть. Деревня отстроилась. Новые дома. С электричеством, радио, с мебелью (Абрамов словно подтверждал когда-то сообщенное ему веркольцами в „Открытом письме землякам“. — О. Т.). И у Михаила Пряслина, как и у многих пекашинцев, тоже новый дом...»

Эпилог, словно разномастная заплата на однотонной материи, был более чем не к месту, и читатели не могли этого не заметить.

Л. Рахманов в своей статье «Труды и дни семьи Пряслиных», опубликованной в 6-м номере журнала «Москва», так отозвался об эпилоге: «Не стоило Абрамову писать послесловие к своей страстной, горячей книге. Это „Вместо эпилога“ живо напомнило мне последние кадры великолепного фильма „Председатель“, заметно подпорченного таким казенно-оптимистическим сверхфиналом...

Талантливый, правдивый роман в этом не нуждается».

И Абрамову, смирившемуся с этой редакторской «нагрузкой», на этот счет не единожды приходилось оправдываться.

Так, 27 мая 1968 года в письме в Минск писателю и поэту-песеннику Михаилу Ароновичу Гольдману, больше известному под литературным псевдонимом как Михаил Ясень, автору популярных на всю страну песен «Письмо из 45-го», «Майский вальс», «Память сердца» и многих других, Абрамов писал:

Уважаемый Михаил Аронович!

Получил Ваше любезное письмо, в котором Вы так трогательно, так взволнованно отзывались о моем романе.

Спасибо! Новую книгу постараюсь написать лучше.

А за эпилог не ругайте. Во-первых, мы, писатели, не всегда столь свободны в своих действиях, как того бы хотелось, а во-вторых, я все же думаю, эпилог полезен. Полезен хотя бы тем, что я в нем объяснился со своими земляками, которых, увы, иногда науськивают на писания.

Я, например, испытал это на себе.

В 1963 году у меня в журнале «Нева» был напечатан очерк-повесть «Вокруг да около» и меня на страницах центральной печати разделили как клеветника и очернителя руками земляков.

Вот так, дорогой Михаил Аронович.

Так что эпилог, я все же думаю, не лишен.

Желаю Вам всего хорошего.

С приветом — Федор Абрамов.

И вот что поразительно, даже в этом, казалось бы, безобидном эпилоге, который, по сути, был навязан Абрамову для «смягчения» текста и от которого должна была быть только одна польза, желающие осудить «Две зимы...», как ни парадоксально, усматривали то, что его наличие «только подчеркнуло силу, с которой писатель придавил героев своего романа исключительными обстоятельствами жизни» (А. Шеляпин. «Серые будни Пекашино»).

Можно только представить, что чувствовал Федор Александрович, читая об эпилоге такие «откровения» критиков, не знающих его истинного происхождения и не желающих зреть в корень относительно его рождения.

Впоследствии эпилог был убран Абрамовым из текста. Таким образом, он просуществовал лишь в новомирском издании «Двух зим...».

Когда публикация романа была окончательно одобрена и в таком урезанном виде, Абрамов все равно не верил в положительный исход дела. Непростая ситуация вокруг «Нового мира», Твардовского, да и его самого заставляла Федора Александровича думать о худшем.

4 января 1968 года, вычитав последние листы присланных гранок романа, Абрамов с нескрываемым волнением за судьбу «Двух зим...» запишет в дневнике: «Сегодня прочитал и отправил верстку романа... Две недели, только две недели отделяют от счастья и несчастья».

Тревога за то, что публикацию романа в конечном итоге все же прикроет цензура, была велика, потому что даже редакция «Нового мира» не могла дать Абрамову полную гарантию того, что роман «не зарежут».

Публикация первых глав в январском номере «Нового мира», который пришел к читателям с явным запозданием, еще больше усилила беспокойство Абрамова за судьбу романа. Тишина со стороны критики, молчание в писательской среде, словно затишье перед грядущей бурей, наводили на грустные мысли.

С 1-го по 5 марта Абрамов участвует в творческой дискуссии на тему «Пути развития советского военного романа», организованной секретариатом правления СП РСФСР и Ленинградской писательской организацией в комаровском Доме творчества. Говорили о многом, но о новом романе Абрамова, что начал печатать «Новый мир», ни Даниил Гранин (к этому моменту уже председатель правления Ленинградской писательской организации), ни участники конференции не проронили ни слова.

Невдолге после конференции, не дождавшись выхода второго номера «Нового мира», Федор Абрамов уезжает на Пинегу. Нетерпение узнать о том, как восприняли роман на родине, сделало свое дело.

«Роман веркольцам читать не давал, — напишет Абрамов в письме Людмиле 19 марта, — а в Карпогорах уже читают. Нравится. Впрочем, если дадут команду, они могут и изменить свое мнение» (Л. Крутикова. «Момент истины»).

Мартовский номер «Нового мира», сданный в набор в конце января, вышел в свет с большим запозданием лишь в середине апреля, заставив Абрамова крепко понервничать. Но теперь все тревоги позади: «3-й номер „Нового мира“ в руках! И так, творческая история романа вступила в свою завершающую фазу. Пресса и — главное — указующий жест сверху».

И вот она, первая недобрая весточка, заставившая задуматься о грядущей буре: «Пинежская правда», дав в нескольких апрельских номерах главы романа, вдруг прекратила их публикацию.

22 мая в 22-м (надо же как совпали цифры!) номере журнала «Огонек» была опубликована статья П. Строкова «Земля и люди», подвергшая разгромной критике роман «Две зимы и три лета».

Аналитическая статья, которая, вероятнее всего, должна была стать своеобразной затравкой для нового бичевания Абрамова (и не только его!), была написана в самых лучших традициях жанра советской критики и представляла собой пространственный ответ на вопрос «из народа».

Вот только от лица народа тут выступил первый секретарь Верховского райкома КПСС Орловской области А. Блынский, который, обратившись в редакцию «Огонька»

с письмом, вначале посетовал на то, что «многие литераторы, пишущие о деревне, почему-то основное внимание уделяют только изображению послевоенных трудностей» и показывают деревню «вне связи с большими событиями, происходящими в стране и мире», а затем попросил редакцию растолковать: «таков ли нынешний сельский житель, каким он выглядит, например, в последних сочинениях В. Тендрякова, В. Белова, Б. Можяева, Ф. Абрамова, В. Лихоносова», и «какова перспектива развития нашей литературы на темы жизни и быта советской деревни». При всем этом Блынский подчеркнул, что «многие герои так называемой „деревенской прозы“ выглядят какими-то чудачками, юродивыми, людьми не от мира сего». Ну и П. Строков, критик, а в прошлом армейский политработник, доходчиво разъяснил первому секретарю райкома.

Досталось всем: и можяевской повести «Из жизни Федора Кузькина», и тендряковской «Кончине», но больше всего автор статьи прошелся по абрамовским «Двум зимам...» — роману посвящена вся центральная часть публикации.

Строков, определив в романе «Две зимы и три лета» идеологический просчет автора в том, что тот «пытается делать какие-то обобщения на основе жизни и быта колхоза, находившегося в очень специфических условиях», при этом нагнетая в романе «одну драматическую картину за другой», усмотрел стойкое нежелание Абрамова писать правду о настоящей деревне, что нарушает принцип социалистического реализма.

Не прошло и месяца, как следом за статьей «Земля и люди» вышла новая статья Строкова «Просчет или заданность?» в газете «Литературная Россия» от 7 июня, теперь уже как противовес в полемике с критиком Александром Михайловым, чья статья «Пролог к новой жизни» была опубликована в этом же номере многотиражки. При чем редакция «Литературной России» не осталась в стороне и дала свой собственный весьма обширный комментарий к полемике двух критиков, определив «Две зимы...» как «талантливый роман Федора Абрамова», но при этом явно поддержав позицию Строкова.

Михайлов, отмечая в статье тесную связь «Двух зим...» с первым абрамовским романом, анализируя жизнь Пекашино после войны, пишет, что «роману Абрамова свидетельские показания не нужны, он искренен и правдив внутри себя, хотя локальная замкнутость действия в деревне Пекашино и ограничивает несколько масштаб повествования».

Строков же, в целом подтверждая слова своего оппонента, выводит несколько иную позицию по этому вопросу: «В общем, Ф. Абрамов умеет зорко видеть и живописать то, что входит в поле его зрения, но, к сожалению, само поле зрения довольно ограничено. И дело, конечно, не в том, что оно не простирается за околицу одной из северных деревень с ее своеобразными условиями, а в том, что не только герои романа, но и сам автор не всегда возвышаются до глубинного понимания причин тех трудностей, которые переживала деревня в первые послевоенные годы».

«Подлая статья, просто политический донос... Впрочем, надо отдать Строкову справедливость: он не такой идиот, как я думал. Во всяком случае, он сказал о моем романе глубже, чем все хвалебщики. Да, Строков понял то, что я, как говорится, протаскивал ползком на брюхе», — отметит Абрамов в своем дневнике 8 июня 1968 года. А уже через пару дней он переступит порог новомирской редакции, держа в руках свою новую повесть «Алька» о непростой судьбе деревенской девушки и ее матери. Впоследствии она будет по-разному воспринята читателями — от острого неприятия до искреннего восхищения, но при всем том она заставляет думать.

Когда через месяц по приглашению Твардовского Абрамов вновь ехал в Москву, он никак не мог предположить, что причиной вызова стала вовсе не «Алька», а то, о чем

он вообще не мог подумать. Но случилось так, что Александр Трифонович сильно приболел, и прибывшему в Москву Абрамову пришлось ехать к главреду «Нового мира» на его дачу в Красную Пахру.

Остановился Абрамов у Трифонова. Юрий Валентинович, узнав о приезде Абрамова, сам пригласил его к себе.

Вообще, Абрамова и Трифонова долгие годы, до самой внезапной кончины Юрия Валентиновича в марте 1981 года, связывали искренние дружественные отношения. Когда у Трифонова в сентябре 1966 года скоропостижно скончалась супруга, Абрамов был одним из первых, кто откликнулся на постигшую писателя беду. Сам же автор знаменитого «Дома на набережной» не единожды гостил у Абрамова в городе на Неве и всегда принимался с радостным гостеприимством.

На второй день со дня приезда Абрамова состоялась его встреча с Твардовским, однако ввиду того, что Твардовский был не в форме, их беседа получилась короткой, но тем не менее оставила глубокий след в душе Федора Александровича.

Речь тогда зашла о Государственной премии.

Для Абрамова решение Твардовского и, разумеется, всей новомирской редакции выставить «Две зимы и три лета» на соискание Государственной премии хоть и было приятным известием, но все же по меньшей степени выглядело авантюрой, заведомо обреченной на провал. Не исключено, что так думал и Александр Трифонович. Но для Твардовского этот шаг был еще и своеобразным жестом неповиновения тем, кто его уже давно гнал из «Нового мира».

Разумеется, что ни в коем случае не стоит сбрасывать со счетов и триумфальное шествие абрамовского романа среди читателей, чьи письма с благодарными откликами заваливали «Новый мир» и самого автора, тем самым еще больше настраивая Твардовского на принятие весьма серьезного решения.

А письма порой были разные. Были и такие, как письмо от 24 июля 1968 года Жманова Я. М., одного из немногих, кто «на удалении» распознал в романном Пекашине пинежскую Верколу: «Читал и радовался за силу и выносливость трудолюбивого народа Севера, удивлялся, что Вы так хорошо сохранили слова и наречия пинежан, когда столько времени не живете в родных местах. Я очень многие слова уже подзабыл, а, прочитав роман, о многом вспомнил. Это же Веркола и их люди, с которыми я работал два года».

И, конечно же, критика и читатели вновь увидели в «Двух зимах...» перекличку с Шолоховым. «„Две зимы и три лета“ — книга о беспощадных годах, великолепное продолжение крупнейших достижений советской прозы, обозначенных именами Бабеля... Сейфулиной и Шолохова, — писала в своей статье „Где-то за Архангельском“ Анна Стронская. — Особенно же близки шолоховские аналогии в связи с проблемой семейной саги: судьбы Пряслиных у Абрамова выполняют ту же функцию в иллюстрации исторических и общественных процессов, которая в „Тихом Доне“ принадлежит мелеховскому клану. Однако в то время как „Тихий Дон“ это роман о гибели, Федор Абрамов довел свое повествование о драматизме крестьянской выносливости до замкнутого 20-м съездом исторического периода».

11 июля 1968 года в возрасте 55 лет в Москве в онкоцентре на Каширке умер Александр Яшин. Присутствовавшая на прощании с поэтом редактор «Мосфильма» Т. Хорева писала Абрамову: «Умер Александр Яковлевич Яшин. Стояла я у его гроба и думала: как мало мы не только делаем, но и говорим друг другу доброго. Вот ушел еще один хороший человек, широкая и щедрая душа...»

Абрамов и Яшин были близки друг другу не только своим творчеством, но и еще тем, что их роднила деревня. В начале 60-х, когда их дружба была очень крепкой, Яшин отозвался о родине Абрамова замечательным стихотворением «Запасаемся светом», пронизанным лирической чистотой и музыкальной напевностью: «Где ветров ералаш / Да суметы по пояс / И, как пригород наш, / За Архангельском — полюс».

Федор Александрович ценил Яшина и как самобытного поэта, и как даровитого прозаика, хотя отношения между ними не всегда были равными и безоблачными, а подчас и вовсе напряженными. «Характер у Яшина, — скажет Абрамов в своем очерке „Семь верст до небес“, — был совсем не идеальный. Да и у меня, прямо скажем, не сахарный. И искры от нас начали сыпаться чуть ли не с первого дня... С ним было не легко — того и гляди, ужалит». Вот и в последние два года между ними пробежала «черная кошка». Не писали друг другу писем, не звонили, а на общих писательских встречах если и виделись, то только для того, чтобы кивнуть друг другу в знак приветствия.

Но когда из письма Александра Михайлова неожиданно узнал, что Яшин безнадежно болен и что даже проведенная третья операция вряд ли исправит ситуацию, то поспешил навестить друга, забыв о прежних распрях. Только вот один ехать не решился. «Страшно было мне, здоровому человеку, вдруг явиться к умирающему другу, пусть и другу в прошлом», — скажет потом Федор Александрович в уже упомянутом очерке.

Так в один из дней своего июльского визита в Москву Абрамов вместе с Михайловым оказался в больнице у Яшина.

Встреча получилась очень тяжелой. «Палата, в которой лежал Яшин, была просторная, вся в солнце, в цветах, и потому особенно тяжело было увидеть его неподвижным, словно распятым на узкой больничной койке, стоявшей посреди палаты. Избегая глядеть на больного... пролепетали какие-то слова приветствия и смущенно присели на краешек табуреток возле дверей. Яшин молчал... Я не помню, как мы прощались с Яшиным. Помню только, что у меня было чувство вины перед ним, чувство вины живого человека перед умирающим, и что мне очень хотелось по русскому обычаю попросить у него прощения».

Это была встреча прощания. Через несколько дней Яшина не стало.

Спустя годы Абрамов напишет о Яшине такие строки: «Сколько в этом человеке было доброты, детской доверчивости, истинного бескорыстия и благородства, русской удали и русского озорства». Что можно к этому добавить?

Но вернемся к «Двум зимам...». Из всех статей (а их было чуть меньше двадцати), опубликованных за пять месяцев, прошедших с момента обнародования «Двух зим...», наиболее значимой, отмеченной Твардовским, была «Живут Пряслины!» Бориса Панкина в «Комсомольской правде» от 14 сентября 1969 года. «...Что касается рецензируемого романа, — говорилось в статье, — здесь все, от главного до мелочей, продиктовано тем суровым временем, которому он посвящен, несет на себе его печать. Тяготы и лишения, выпавшие на долю Пряслиных, всех пекашинцев, не что иное, как частица общенародной ноши, причем их доля еще не самая тяжелая, хотя бы потому, что огненный вал бушевал далеко в стороне. Пекашинцы постоянно ощущают себя в долгу перед страной и не ропщут, принося свои великие жертвы, когда ясно видят их необходимость... Если Абрамов и безжалостен, то не к героям своим, а к нам, читателям, которых он заставляет до конца испытать чашу познания. Но, осушив ее, мы обнаруживаем драгоценный осадок — истинную красоту жизни».

Уже 17 сентября Твардовский, не дозвонившись автору, писал Борису Дмитриевичу из Пахры: «Сразу же ознакомился с Вашей великолепной статьей об Абрамове... Хочу сердечно поблагодарить Вас за доброе, сердечное дело — статью о Пряслиных.

Я так рад за Абрамова, человека — мало сказать талантливому, но честнейшего в своей любви к „истокам“, к людям многострадальной северной деревни, и терпящего всяческие ущемления и недооценку именно в меру этой честности. Авось, теперь его в „Роман-газете“ издадут...»

Но «Роман-газета» упорно не желала печатать роман.

Абрамов по своему простодушию надеялся, что после публикации в «Новом мире» «Двум зимам...» в любом издательстве будет дан зеленый свет. Ошибся!

Его борьба за публикацию романа в «Роман-газете» растянется без малого на два года и будет продолжаться даже после того, как роман в 1969 году выйдет отдельной книгой в «Советском писателе».

Едва получив 3-й номер «Нового мира» с публикацией заключительных глав романа, 24 апреля 1968 года Абрамов пишет письмо завредакцией В. Г. Ильинкову: «Вполне понятно, что мне хотелось бы, чтобы и этот роман — „Две зимы и три лета“ был напечатан в „Роман-газете“. Полагаю, что это будет отвечать и желаниям наших читателей, которые в свое время тепло встретили „Братьев и сестер“. Очень прошу ответить по возможности скорее».

Ответа от Ильинкова не последовало.

10 мая Абрамов вновь отправляет Ильинкову письмо аналогичного содержания, и... вновь тишина.

О молчаливом отказе «Роман-газеты» публиковать «Две зимы...» Абрамов сообщил Твардовскому в один из своих летних приездов в Москву.

Твардовский был возмущен, но в поддержку Абрамова (а ведь мог свободно позвонить Косолапову) не вступился, наверное хорошо понимая безрезультативность такого действия. Но в разговоре Абрамову он скажет: «Все, в том числе я сам, удивляются: как это напечатали? Счастливое стечение обстоятельств. Если бы хоть на десять дней позже, книга не вышла бы... Меня по-прежнему спрашивают: как это произошло? А я и сам не могу понять. Я сам не верил, что это пропустят»³.

И уже в своем дневнике от 16 июля Твардовский отметит: «Отказ Косолапова печатать вещь в „Роман-газете“ („поскольку мнения в критике разошлись“). Боже, разделать бы эту „Роман-газету“, да где, на каких столбцах или страницах, давно уже „НМ“ отказывал себе (и все чаще) в роскоши высказываться по потребностям»⁴.

9 августа 1968 года Федор Абрамов обратился к Георгию Маркову, занимавшему пост секретаря Союза писателей СССР, с жалобой на редакцию издательства «Художественная литература», вычеркнувшую из плана на 1971 год публикацию романа «Две зимы и три лета» в «Роман-газете». Копия жалобы была отправлена директору Гослитиздата «Художественная литература» Косолапову В. А., тому самому, в чьих руках окажется «Новый мир» после вынужденного ухода Твардовского с поста главреда 20 февраля 1970 года.

В жалобе говорилось:

Уважаемый Георгий Мокеевич!

В 1959 году в «Роман-газете» была напечатана моя книга «Братья и сестры», которая была тепло встречена и нашими читателями, и нашей критикой.

В этом году я опубликовал продолжение «Братьев и сестер» — роман «Две зимы и три лета» /«Новый мир», № 1—3/, который, не буду скромничать, тоже вызвал ог-

³ Дневники Ф. А. Абрамова. Фонд Литературно-мемориального музея Ф. А. Абрамова в Верколе, нвф 227/3.

⁴ Твардовский А. Т. Новомирский дневник. Т. II. 1967—1970. М., 2009. С. 202—203.

ромный интерес у читателей. Появились и первые положительные отзывы в печати /статья В. Иванова в «Литературной газете», статья А. Михайлова в «Литературной России», статья В. Чалмаева в «Комсомольской правде»/.

И вот, казалось бы, по всем статьям, книгу надо печатать в «Роман-газете».

Однако, В. Ильинков, к которому я обратился с письмом по этому вопросу еще 10 мая, хранит упорное молчание, а А. В. Косолапов, директор Гослитиздата, ответил мне по телефону более чем странно: Ваш роман мы не можем рекомендовать двухмиллионному читателю, так как он, де, вызвал у нашей общественности разно-речивые мнения.

Спрашивается, о какой общественности идет речь? Неужели П. Строчков, автор поносной и вредной статьи в «Огоньке», в которой облыжно разругано все сколько-нибудь стоящее в деревенской литературе, и есть, по мнению т. Косолапова, наша общественность?

Нет, наша общественность именно тот двухмиллионный читатель, о котором так трогательно печется т. Косолапов. И вот именно этот-то двухмиллионный читатель и требует настоятельно, чтобы роман Ф. Абрамова был широко напечатан. Я не буду говорить о многочисленных письмах, которые присылают мне читатели. Но взгляните в библиотеки, в читальни, посмотрите, как читают роман.

Конечно, книга моя не сладенькое чтение на сон грядущий. В нем идет речь о первых послевоенных годах, о том великом подвиге, который совершили наши люди. Не обойдены в книге и трудности. Но неужели надо доказывать, что, умаляя трудности, которые перенес наш народ, мы тем самым и умаляем и подвиг его?

Уважаемый Георгий Мокеевич! Обращаясь с этим письмом, я надеюсь на Вашу помощь. А кроме того, мне хотелось бы, чтобы это письмо стало предметом обсуждения на Секретариате, ибо я полагаю /да простят мне нескромность/, что речь идет не о личной просьбе писателя Абрамова. Речь идет о произведении, на пути которого к читателю кто-то незаслуженно воздвигает барьеры.

И вот ответ из издательства «Художественная литература» от 20 июля 1970 года, спустя больше года с момента первого абрамовского обращения.

Уважаемый Федор Александрович!

Вторично доводим до Вашего сведения, что Ваша книга «Две зимы и три лета» рассмотрена на заседании Редакционного Совета «Роман-газеты» 13 марта 1969 года.

Было принято решение воздержаться от публикации ее в многотиражном массовом издании. Мотивы отказа в свое время были изложены Вам в беседе директором издательства тов. Косолаповым В. А. и лично мною. Поэтому непонятно Ваше обращение с жалобой в секретариат СП СССР, будто бы издательство не поставило Вас в известность о судьбе книги. В. Ильинков.

Лишь спустя годы Федору Абрамову станет известна истинная причина отказа «Роман-газеты» опубликовать «Две зимы...». Не в Ильинкове и не в Косолапове было дело. Единодушно одобренный на общественном совете редакции и даже поставленный в план 1971 года роман не был опубликован в «Роман-газете» благодаря действиям руководителя отдела по работе с издательствами Комитета по печати П. А. Карелина, который тянул и молчаливым отказом не давал согласия ставить роман в номер.

Не только судьба «Двух зим...» в «Роман-газете» разочаровала Абрамова, но и отвергнутая «Новым миром» «Алька» вновь заставила его поволноваться.

Абрамов после удачи с «Двумя зимами...» наверняка ожидал положительного отклика Твардовского на свою новую повесть. То ли сила романа «Двух зим...» по отношению к «Альке» взяла верх, оставив у Твардовского послевкусие слабости повести,

а может быть, и другие обстоятельства внутри редакции или извне (а для «Нового мира» действительно наступали очень непростые времена) заставили отказать Абрамову в ее публикации.

Вот только Твардовский, написав отрицательный отзыв о повести, так и не отправил его Абрамову, переложив это нелегкое дело на плечи отдела прозы. Письмом отвечал М. Хитров:

8 октября 1968 года.

...Я был уверен, что вы уже знаете мнение Александра Трифоновича о повести. Я дал ему ее читать, как только получил от Вас. Он быстро ее прочитал и тут же написал Вам письмо, которое, как теперь выяснилось, пока не отправил, ожидая отзывов членов редколлегии. Прочитали пока не все, но у прочитавших мнение в общем едино: повесть интересна своим материалом, реальностью нынешней жизни, но есть в ней какой-то серьезный просчет общего замысла, идущий очевидно от того, что на сей раз Вы слишком даете волю своему стремлению вершить суд над героями и даже казнить их. Наверное, поэтому и мать, и дочь начинают восприниматься (конечно, против Вашего желания) как однолинейно выписанные персонажи, а то даже и некие злодеи.

В этом сходятся все, в том числе и я. О частностях говорить пока не буду, так как мы решили устроить обсуждение повести, как только она будет нами прочитана. Думаю, что мы сделаем это самое позднее в 20-х числах октября, если Вы сможете в это время приехать.

Обо всем другом писать не буду — лучше поговорить при встрече. Выпускаем седьмую книжку с повестями В. Белова (речь идет о повести Белова «Плотничкие рассказы». — О. Т.).

Очень хочется свидеться.

С искренним уважением М. Хитров

Но Абрамов по-прежнему упористо штурмовал «Новый мир».

Уже совсем скоро на редакторский стол Твардовского будет положена законченная в середине 1968 года повесть «Пелагея» и чуть позже «Деревянные кони», рассказы «Материнское сердце», «Из рассказов Олены Даниловны» и автобиографичный «Могилы на крутояре» (в первоначальном варианте «Жизнь и легенда» и «Жизнь в легенде»). И если «Пелагея» опубликуется в журнале еще при Твардовском, то «Деревянные кони», пройдя через редактуру Александра Трифоновича, лягут на новомирские страницы уже после его ухода из журнала.

И все же, несмотря на весьма неприятную ситуацию вокруг журнала в связи с разгорающейся травлей Твардовского, да и всей редакции, Александр Трифонович не отступил от своего решения: «Две зимы и три лета» были выдвинуты на Государственную премию в области литературы за 1969 год.